

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

М. Б. Свердлов

История России
в трудах
Н. М. КАРАМЗИНА



Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

УДК 001(091)
ББК 72.3+63.3(2)
С24

Монография утверждена к печати
Ученым советом Санкт-Петербургского института истории РАН

Книга написана в соответствии с грантом РГНФ № 15-01-00038а

Рецензенты:

д. и. н. З. В. Дмитриева, к. и. н. Л. Г. Рогушина

В оформлении обложки использован портрет Н. М. Карамзина
работы В. А. Тропинина (1818)

Свердлов М. Б.

С24 История России в трудах Н. М. Карамзина. — СПб.: Нестор-История, 2018. — 368 с.

ISBN 978-5-4469-1349-7

В монографии исследованы процесс становления Н. М. Карамзина как историка, содержание характеристик отечественной истории от древности до современности в его литературном, общественно-публицистическом и научном творчестве в контексте биографии Карамзина, а также социально-политической действительности, исторических, общественно-политических и философских идей в России и в странах Европейского континента в целом середины XVIII — первой четверти XIX в.

Книга предназначена для историков-профессионалов, студентов, любителей российской истории.

УДК 001(091)
ББК 72.3+63.3(2)

ISBN 978-5-4469-1349-7



© М. Б. Свердлов, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

Оглавление

Предисловие.....	4
Введение	6
Глава I. Детство и юность Н. М. Карамзина	28
1. Контекст российской действительности 1750–1780-х гг.	28
2. Российская историческая наука середины – второй половины XVIII в.	48
3. Детство и юность	57
Глава II. Н. М. Карамзин в 1786–1803 гг. Становление историка	72
1. Н. М. Карамзин в 1786–1796 гг.	72
2. Н. М. Карамзин в 1796–1801 гг.	103
3. Н. М. Карамзин и М. Н. Муравьев	125
4. «Дней Александровых прекрасное начало»: Россия в 1801–1803 гг.....	137
5. Н. М. Карамзин в 1801–1803 гг. От публицистики к истории	147
6. Н. М. Карамзин и И. Г. Фихте	171
Глава III. Н. М. Карамзин в 1804–1815 гг. Первые восемь томов «Истории государства Российского»	178
1. Н. М. Карамзин в 1804–1815 гг.	178
2. Н. М. Карамзин и М. М. Сперанский	188
3. Н. М. Карамзин в 1812–1815 гг.	204
4. Тома первый–восьмой.....	210
Глава IV. Н. М. Карамзин в 1816–1826 гг. Тома девятый–двенадцатый.....	303
Заключение	341
Список сокращений.....	346
Литература	347
Именной указатель	358

...ибо самые великие люди действуют согласно с образом мыслей и правилами своего века.

Н. М. Карамзин

Я не верю той любви к отечеству, которая презирает его летописи или не занимается ими: надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведение о прошедшем.

Н. М. Карамзин

Как естественная, так и гражданская история не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*.

Н. М. Карамзин

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга хронологически и содержательно продолжает монографию автора этих строк «М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России». Она содержит анализ истории российской исторической науки в более поздний период. Поэтому следует еще раз кратко отметить те принципы, которыми руководствовался автор при работе и над данной книгой.

История — так же сложна в своем содержании, как и естественнонаучные дисциплины. На современном уровне исследовательский процесс в ней заключается в максимально полном привлечении множественных видов исторических источников. Они должны быть источниковедчески изучены для определения степени достоверности их информации. Только после такого критического анализа возможно их использование в исследовании исторических и историографических фактов в их сложной структуре. На их основе с использованием системно-структурного и генетического анализа возможно синхронное и диахронное изучение исторических процессов. В результате такого исследования возможно, в соответствии с концепцией Г. В. Ф. Гегеля, приближение к познанию объективной истины.

Вместе с тем историк постоянно находился и находится в центре действия нескольких факторов, которые пребывают вне исторической науки — социально-экономического и политического положения в стране, исторических, политических и философских теорий, уровня профессиональной подготовки автора.

Во второй половине XX в. особое значение в общественных науках и культуре приобрел постмодернизм. Он отрицает временную и пространственную

Предисловие

определенность, абсолютизирует относительность характеристик. Приближение к познанию сущности факта заменено в постмодернизме свободой мнения о факте без необходимых доказательств. В исторической науке также распространилось постмодернистское направление, а с ним — отрицание объективных характеристик явлений и процессов, значительная субъективность авторских суждений и самовыражение вместо научного анализа.

По темам, которые затронуты в монографии, существует бесчисленное множество исторических источников и научных исследований. Поэтому пришлось ограничиться только теми из них, которые позволяют определить факторы, прямо и опосредованно влиявшие на формирование общественно-политических и исторических взглядов Н. М. Карамзина, на «стиль эпохи» (Д. С. Лихачев), который также воздействовал на их форму и содержание. В новейшей научной литературе изучению истории общественно-политических идей в неразрывной связи с экономической, социальной и политической историей России XVIII — первой четверти XIX в. посвящены обобщающие труды [Анисимов Е. В. 1994; Каменский А. Б. 2001; Андреева Т. В. 2009; см. там же научную литературу].

В тех случаях, когда факты истории российской исторической науки ранее изучены на высоком профессиональном уровне другими исследователями и автор этих строк согласен с методами и выводами предшественников, в тексте книги подробно изложены полученные ими результаты.

Цитаты из исторических и историографических источников, иногда значительные по объему, — не только доказательство авторских наблюдений, но также средство передачи идей историков и исторических источников в их словесном и стилистическом выражении. Их слова и идеи значительно ярче и выразительнее, чем позволяют возможности академического исследования. К тому же в новейший период отечественной истории эти сокровища национального интеллектуального богатства страны оказались основательно забыты.

Целью исследования является не анализ отдельных проблем в творчестве Карамзина-историка, а изучение процесса становления Н. М. Карамзина как историка и содержания его «Истории государства Российского» как выражения исследовательского процесса, отражения в нем общественно-политических идей второй половины XVIII — первой четверти XIX в.

Мы благодарны за содействие в работе над книгой сотрудникам Санкт-Петербургского института истории РАН, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Отделов рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук и Российской национальной библиотеки. Особая благодарность моему сыну Павлу за постоянную компьютерную поддержку.

Введение

Есть нечто символичное в последовательности дат и в преемственности событий: в 1765 г. скончался М. В. Ломоносов, в 1766 г. родился Н. М. Карамзин. Для российской исторической науки содержание этого времени заключалось в преемственности и развитии просветительских исследовательских идей и методов середины XVIII в. во второй половине этого столетия, когда Карамзин формировался как историк-исследователь. Определение основного содержания этой традиции позволяет установить те новации, которые появились в российской исторической науке второй половины XVIII — первой четверти XIX в. и стали составной частью грандиозного труда Карамзина «История государства Российского».

Исследований, в которых изучались и изучаются биография и творчество Н. М. Карамзина, бесчисленное множество. Их число значительно увеличится, если учесть разыскания, посвященные анализу контекста исторической науки того времени — философской и общественно-политической мысли, экономических и общественно-политических факторов, которые прямо и опосредованно воздействовали на формирование Карамзина-историка и его творчество. Поэтому следует по необходимости кратко обобщить этот накопленный в историографии опыт для определения задач предстоящего исследования.

В. П. Козлов обстоятельно изучил общественно-политическое и научное содержание полемики, которая велась во второй половине 10-х — 30-е гг. XIX в. в связи с появлением работ Н. М. Карамзина исторического содержания, особенно томов «Истории государства Российского». Из этой полемики, во многом характеризуемой субъективными пристрастиями ее многочисленных участников, он обоснованно выделил немногие аналитические работы, которые имели научное содержание. По наблюдениям Козлова, М. Т. Каченовский (1755–1842) обратил внимание на постоянное использование Карамзиным опыта А. Л. Шлёцера и других ученых в изучении используемых письменных источников. Напротив, немецкий ученый А. Г. Л. Гее-рен (1760–1842) высоко оценил «Историю государства Российского» как

самостоятельное научное исследование. Он написал, что в этом труде выражены высокие нравственные и политические идеи, ненависть к тирании и угнетению, к несправедливой войне и к страсти завоеваний, а также мысль о самодержавии, которому Россия обязана своим величием. В качестве недостатков «Истории» по Геерену Козлов отметил модернизацию мотивирования поступков, характеров, мыслей и чувств русских людей прошлого. Анализируя концепцию Геерена, Козлов написал об утверждении в ней коренного отличия русской истории от западноевропейской. Следствием этого стало отрицание немецким историком феодализма в России и тех элементов «муниципального правления», которые переросли на Западе в систему конституционных учреждений. Поэтому Геерен был согласен с монархической концепцией Карамзина.

В. П. Козлов обстоятельно изложил анализ И. Лелевеля (1786–1861), посвященный карамзинской «Истории». По мнению польского историка, Н. М. Карамзин особое внимание уделил деяниям князей, а не истории народа. Но он пытался также рассмотреть и другие вопросы российской истории — просвещение, промышленность, торговлю, сословный строй. Такой подход к изучению истории способствовал, по Лелевелю, появлению у читателей «идей философических». Недостаточным он считал внимание Карамзина к истории дипломатии и изучению истории России в сопоставлении с историческими событиями в других странах. Отметив литературные достоинства «Истории», Лелевель возразил против стремления ее автора драматизировать повествование, проникнуть в характеры исторических персонажей, создать их запоминающиеся образы.

Как отметил В. П. Козлов, по мнению И. Лелевеля, идея самодержавия придала единство разнообразным сюжетам «Истории». Карамзин излагал события языком и понятиями, соответствующими прошлому. Патриотизм — одно из основных достоинств «Истории». Но он не стал кичливостью, хвастовством, а потому не искажал истины. На труд Карамзина, по мнению Лелевеля, повлияла в некоторых случаях приверженность вере, но автор проявил также веротерпимость. Стремление показать особое значение самодержавия в истории России соединено с карамзинским намерением быть беспристрастным, с выражением ненависти к тирании, с желанием показать слабости и ошибки, которых следует избегать правителям. Рассмотрел Лелевель также спорные вопросы образования древнерусской государственности [Козлов В. П. 1989. С. 84–85; 106–107, 110–112].

В. П. Козлов обратил внимание на изменение отношения историка М. П. Погодина (1800–1875) к труду Н. М. Карамзина — от восторженного во второй половине 1810-х к крайне критическому в первой половине 1820-х гг. В результате анализа суждений многих русских интеллектуалов разной общественно-политической направленности Козлов показал их значительное многообразие — от гневных в декабристской среде

в связи с монархическими идеями «Истории» до осуждения ее антидеспотической направленности крайними консерваторами. Козлов отметил столь же противоречивое отношение к ее научному содержанию — от критического и скептического до признания достоинств исследования просветительского, нравственно-политического, обладающего свойствами художественно-публицистическими и научными [Козлов В. П. 1989. С. 114–145].

Как отмечено ранее, в России, как в любой другой стране Нового и Новейшего времени, историческое исследование подвергалось воздействию общественно-политических и философских концепций. Так что историографический анализ и, чаще, критика исторических исследований также становились средством выражения общественно-политических и научных предпочтений историографов и критиков. Такое содержание историографического знания в Новое и Новейшее время лишь продолжило его судьбы в средние века. Уже тогда, как в полной мере обоснованно установил А. А. Шахматов, «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы» [Шахматов А. А. 1916. С. XVI].

Продолжая наблюдения В. П. Козлова, можно отметить, что в условиях возрастающей в первой половине 1820-х гг. поляризации настроений крайнего консерватизма в результате правительственной политики и, напротив, эволюции определенной части российских интеллектуалов от либерализма к революционному движению декабристов консервативные настроения всё более воздействовали на прежних либералов. Эта тенденция выразилась в погодинских характеристиках карамзинской «Истории государства Российского».

Отношение к творческому наследию Н. М. Карамзина становилось всё более сложным в условиях распространения французского и немецкого направлений в романтизме как философской и эстетической концепции. Они, как и последующие философские теории, требовали раскрытия не причинно-следственных связей исторических явлений, а внутренних закономерностей.

Французской романтической историографии, определявшейся в своем содержании на начальном этапе конца 1810-х — 1820-х гг. трудами А. Сен-Симона (1760–1825), Ф. Гизо (1787–1874) и О. Тьерри (1795–1856), было свойственно изучение истории как истории народа, состоявшего из классов в их конкретных отношениях социальных слоев и собственности. Они раскрывали содержание феодального периода развития общества, формирования с развитием городов третьего сословия и его борьбы за социальные и политические права. Эти идеи отразились в российской историографии революционного направления, прежде всего в трудах П. И. Пестеля (1793–1826), и либерального содержания — в «Истории русского народа» Н. А. Полевого (1796–1846) [Свердлов М. Б. 1996. С. 58–60].

Уже в 1818 г. будущий декабрист Н. М. Муравьев решительно возразил карамзинской идее, сформулированной в первом томе «Истории государства

Российского»: «История народа принадлежит царю». Он написал: «История принадлежит народам» [Муравьев Н. М. 1954. С. 582]. Вероятно, тут выразилось осмысление не только событий 1812 г. и победы над Наполеоном, но также французской концепции романтизма. Сторонником этой концепции являлся П. И. Пестель, который писал о подобии основного содержания российской истории и западной в соответствии с ранними трудами Ф. Гизо и О. Тьерри [Пестель П. И. 1958. С. 150–152, 178–179, 295–296].

Н. А. Полевой критиковал концепцию Н. М. Карамзина ожесточенно, исходя из принципов теории, также продолжавшей идеи французской романтической школы. По его мнению, «народ русский» существовал в древности как первоначальное единство. В начале XIII в. русский народ отделился от «системы европейских государств», а в середине XVII в. вновь «соединился» с ней. В соответствии с французской романтической школой, продолжавшей в данной научной проблеме просветительскую традицию, он считал феодализм следствием завоевания. Результатом этого стало на Руси формирование «норманской системы». Вслед за Ф. Гизо и О. Тьерри Полевой особо выделил в феодализме феодал как полное владение, позднее — как жалование воину за службу. Второй этап развития феодальной системы, считал Полевой, — «семейный феодализм», разделение владений на уделы по степеням родства князей. Конец феодализма Полевой уже традиционно соотносил с установлением монархической власти [Полевой Н. 1829а. Т. 1. С. XXVII, XLII–XLIII, 69–73; 1830. Т. 2. С. 38, 285; Шикло А. Е. 1981. С. 140–141].

Такие теоретические обоснования и результаты практических разысканий существенно отличались от выводов Н. М. Карамзина. Поэтому Н. А. Полевой, увлеченный исследовательскими возможностями новых и новейших философских и исторических концепций, публикуя в 1829 г. обзорную статью, посвященную всем двенадцати томам «Истории государства Российского», решительно утверждал: «Хронологический взгляд на литературное поприще Карамзина показывает нам, что он был литератор, философ, историк *прошедшего века, прежнего*, не нашего поколения». Карамзинской концепции он противопоставил свою, а потому повторил эту мысль, варьируя, еще два раза. В соответствии с основным принципом романтической философии и историографии Полевой упрекнул Карамзина в том, что он «нигде не представляет вам духа народного, не изображает многочисленных переходов его, от варяжского феодализма до деспотического правления Иоанна и до самобытного возрождения при Минине». Поэтому он видел в Карамзине не историка, а литератора, художника, летописца. В «Истории государства Российского» Полевому не хватало также критики факта и используемых исторических источников в соответствии с новейшим для него уровнем развития исторической науки. Поэтому он отнес Карамзина к «писателям, которые следовали неверному направлению истории». Это направление он

назвал «героическим» [*Полевой Н.* 1829а. С. XXXVI–XXXVII; 1829б. С. 467–500; курсив Полевого].

Идеи немецкой романтической школы определялись философской концепцией И. Г. Фихте (1762–1814). Ей были свойственны абсолютизация в историческом процессе особенного, национального, определяющего значения культурной миссии объединенного германского государства. Ученик и продолжатель Фихте Ф. В. Й. Шеллинг (1775–1854) разработал концепцию Абсолюта как тождества идеального и реального, находящего выражение в художественном творчестве, в символе как единстве всеобщего и единичного, в народном духе, который выражался, в частности, в народном творчестве [*Коплстон Ф.* 2004. С. 55–176].

Эти идеи были усвоены и переосмыслены в России в двух основных общественно-политических концепциях.

В условиях подавления революционного движения декабристов, распространения либеральных теорий, предлагавших реформирование общественно-политического строя России, а также революционных движений на Западе, особенно революции 1830 г. во Франции и Бельгии, польского восстания 1830–1831 гг. император Николай I (1825–1855) осознанно занял консервативную позицию сохранения самодержавия, сословного и крепостного строя как основ Российской империи. Он противопоставил свою внутреннюю и внешнюю политику западным тенденциям реформирования. С. С. Уваров (1786–1855), министр народного просвещения и президент Академии наук, сформулировал идейные основы николаевского режима как «Православие, Самодержавие, Народность». Православие в виде синодальной государственной Церкви должно было религиозно и культурно противопоставить Россию католическому и протестантскому Западу. Самодержавие должно было исключить выборное народное представительство в государственном управлении. Смысл «народности» разъяснил Уваров: «народное начало в видах правительства» [*Барсуков Н.* 1895. Кн. 9. С. 236]. Шеф жандармов граф А. Х. Бенкендорф (1783–1844) сформулировал официальное содержание исторической концепции николаевского режима: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно. Что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Вот, мой друг, точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана» [цит. по: *Очерки истории исторической науки в СССР.* 1955. Т. 1. С. 319].

Такому общественно-политическому строю и его идеологии сложная в своем идейном и фактическом содержании карамзинская «История государства Российского» была не нужна, хотя значимость Н. М. Карамзина была очевидна, а его биографию начали изучать [*Старчевский А. В.* 1845].

Следуя за философскими концепциями И. Г. Фихте и Ф. В. Й. Шеллинга, славянофилы в 1830–1850-х гг., прежде всего в трудах К. С. Аксакова

(1817–1860), И. В. Киреевского (1806–1856) и А. С. Хомякова (1804–1860), абсолютизировали этнокультурные и исторические особенности России, не учитывая ее историческую многоэтничность и многоконфессиональность. В то же время они абсолютизировали единство свойств восточных, южных и западных славян, не учитывая их этнокультурных, исторических и конфессиональных особенностей. Славянскому миру славянофилы противопоставили мир романо-германский, а древней Руси — Россию, преобразованную реформами Петра Великого и его преемников. Открыв в русской истории общину, они абсолютизировали ее значение до общинности русского народа, противопоставления «Земли» «Государству» в российской истории [Цымбаев Н.И. 1986]. Эта теория славянофилов стала основой их общественно-политических взглядов как оппозиции правительственному курсу Николая I, да и последующих российских императоров. Поэтому славянофилы, отдавая должное заслугам Н. М. Карамзина — поэта и писателя, умалчивали Карамзина-историка, столь отличного от них в изучении истории государства Российского.

Западник К. Д. Кавелин (1818–1885), отстаивая в 1846 г. идеи родового быта древней Руси, и вслед за славянофилами общины решительно осудил не только правительственную и славянофильскую концепции, но также Н. М. Карамзина. Высоко оценив его литературный стиль и познания в исторических источниках, он отнес его «Историю» «более к изящной, чем к исторической литературе», кроме примечаний, «которые представляют богатое собрание материалов и источников». По мнению Кавелина, Карамзин обращал внимание на внешние события больше, чем на внутренние, «он мало понимал последовательное, внутреннее развитие русской жизни», «Карамзин не искал в фактах мысли, не останавливался над ними, не проследил их развития в истории <...>, а передавал их отрывочно, бессвязно, как они высказывались в фактах». Впрочем, Кавелин не ставил такой метод «в вину историографу» и разъяснил, не конкретизируя: «Он имел другую цель, другое призвание. И время было другое». Эти идеи Кавелин излагал, объясняя российским читателям содержание новейшей для того времени концепции родового быта, соотношения старых и новых городов, их «внутреннего устройства» [Кавелин К.Д. 1897. Стб. 262–263].

Эта концепция была изложена в магистерской диссертации С. М. Соловьева (1820–1879) «Об отношениях Новгорода к великим князьям», защищенной в 1845 г. Но сам он был далек от критического настроения старших современников и ровесников по отношению к карамзинскому наследию. В значительной по объему статье «Н. М. Карамзин и его “История государства Российского”», опубликованной в журнале «Отечественные записки» в 1853–1856 гг., Соловьев поддержал карамзинское деление русской истории на древнюю, среднюю и новую, обстоятельно рассмотрел и поддержал своими комментариями основное содержание его многотомного труда. При

этом Соловьев постоянно рассматривал теоретические и конкретные исторические наблюдения Карамзина в сопоставлении с выводами предшественников, что придавало многомерность исследовательскому процессу того времени.

Положительно изложив «отношение “Истории государства Российского” к источникам и к трудам предшествовавших историков», С. М. Соловьев собирался ответить на вопрос, каково «отношение» этого труда к разысканиям последующих историков. Как он написал, «только при решении этого вопроса можно будет понять всё *великое значение разбираемого творения*» [Соловьев С. М. Б. г. Стб. 1889–1540; курсив наш].

Позднее, в эпоху либеральных реформ Александра II, продолжали излагаться идеи славянофилов. В 1860-х гг. появились работы, написанные под влиянием позитивизма. В них разрабатывались теории общинно-вечевого и земско-вечевого строя древней Руси. В соответствии с ними народ и «Земля» противопоставлялись «Государству», а, как они писали, вечевое городское народное самоуправление — князю и его дружине (И. Е. Андреевский, В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский). В отличие от них С. М. Соловьев в 1866 г. особо отметил органическое единство народа и государства как основы их существования: «Только в государстве народ заявляет свое историческое существование, свою способность к исторической жизни, только в государстве становится он политическим лицом, с своим определенным характером, с своим кругом деятельности, с своими правами». В таком особом значении государства и его институтов в истории России Соловьев указал основной смысл труда Н. М. Карамзина [Соловьев С. М. 2006. С. 235–236].

Продолжая мысль об особом значении государства для карамзинской концепции российской истории, К. Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897) отметил, что народу нужны были вожди. Такое значение имела для России самодержавная власть. По его мнению, в эпоху Н. М. Карамзина можно было написать историю государства, но историю народа писать было рано. Под влиянием романтической славянофильской теории он обобщил: «...но существенное понимание *тайны народной жизни* еще далеко» [Бестужев-Рюмин К. Н. 1882. С. 224–225; курсив Бестужева-Рюмина].

Между тем современник К. Н. Бестужева-Рюмина А. Н. Пыпин (1833–1904), находившийся под влиянием демократических идей В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского, убедился в опасности для России консервативного режима Николая I, который привел страну к унижительному поражению в Крымской войне (1853–1856), несмотря на героизм российской армии и флота. Активный сторонник либеральных реформ, он в обстоятельном очерке «Карамзин. Записка “О древней и новой России”» проанализировал общественно-политические взгляды Н. М. Карамзина в контексте идей второй половины XVIII — первой четверти XIX в. Пыпин, как и его предшественники, проследил изменение во взглядах Карамзина — от времени его

молодости с «сочувствием тем идеям, которые хотела осуществлять Французская революция», к консерватизму, воздействие этих взглядов на разные по содержанию карамзинские характеристики событий отечественной истории. Но он не был согласен с традиционным для того времени определением этой эволюции как изменения «от космополитизма к национальности, от свободомыслия к покорной умеренности». По мнению Пыпина, у Карамзина «издавна, в пору самых свободолобивых увлечений, были все задатки консерватизма в виде восхваления старой французской монархии, в виде проповеди повиновения, отвращения к новостям (новым явлениям общественно-политической жизни. — М. С.), приверженности к “магической силе древности”». Далее Пыпин конкретизировал свое наблюдение: «Теперь только сильнее стала выдвигаться эта последняя сторона его мнений» [*Пыпин А.Н.* 1918. С. 196–276; 1-е изд.: 1871 г.].

А.Н. Пыпин рассмотрел карамзинскую «Историю государства Российского» не как научное исследование, а как явление общественно-политической мысли и событие литературное. Он разъяснил основные причины особого интереса к этому труду просвещенной части российского общества в условиях его чрезвычайной активности, подъема патриотических настроений и победы над Наполеоном. Пыпин писал: «“История” должна была возбудить особенный интерес: в ней искали подтверждения своей мысли или своего чувства люди самых разных понятий; к ней с особенным вниманием должны были обращаться те, кто искал разрешения встававших вопросов национальной жизни, те, кто кроме непосредственного патриотического интереса обращался к истории и с более глубоким и более сложным интересом общественным». Консервативное большинство нашло в ней подтверждение своих взглядов, тогда как либералы ее осудили. Ссылаясь на мнение специалистов, Пыпин признал в общих словах «ее значение в разработке предмета», хотя, оговорил он, «новейшая критика ограничивает ее влияние на дальнейшую историографию». Ее влияние литературное он раскрыл в «расширении художественного понимания русской старины» и в «усовершенствовании языка, который воспринял много новых элементов».

Основной причиной падения интереса к карамзинской «Истории» и ее значения, по мнению А.Н. Пыпина, стало идейное содержание этого труда. По его словам, «<...> как общественно-политическая теория “История” Карамзина <...> оставалась выражением консервативного большинства и в последующем развитии общественных понятий уже вскоре вызвала противодействие, потеряла силу и, наконец, обветшала, сохранив только значение отрицательное или значение точки отправления».

Научное и общественное значение «Истории» Н.М. Карамзина А.Н. Пыпин также объяснил ее консервативным содержанием: «Он вложил в свой труд тенденцию, которая с самого начала отталкивала от себя людей, не менее его любивших отечество, но не видевших для него счастья и спасения

в порабощении общества, в подавлении его умственной, нравственной и гражданской свободы. Основная идея Карамзина была только сводом и венцом традиционных идей прежнего времени; но она не давала никакой точки опоры для дальнейшего развития общественных понятий и содействовала ему только косвенным образом тем содействием, какое «История» оказала общему расширению исторического знания, и это знание уже вскоре указало ошибочность самой его исторической теории русского государства» [*Пытин А. Н.* 1918. С. 428–430].

Такие политизированные характеристики обращали особое внимание на воздействие идеологического фактора при анализе карамзинской «Истории» как научного труда.

Впрочем, во второй половине XIX — начале XX в. в соответствии с позитивистской методологией в российской исторической науке особое внимание исследователей стало привлекать аналитическое исследование исторического факта, изучение экономической и социальной истории как составной части исторического процесса. Следуя таким принципам, В. О. Ключевский (1841–1911) в своих неопубликованных работах подверг карамзинскую «Историю государства Российского» жесткой критике, исходя из принципов современной ему науки: «Взгляд К[арамзина] на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике. Его занимало не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни; он следил в прошедшем не за накоплением средств материального и духовного существования человечества и не за работой сил, вырабатывавших эти средства, а за появлением нравственной силы и красоты в индивидуальных образах или массовых движениях <...>. Он не объяснил и не обобщил, а живописал, морализировал и любовался, хотел сделать из истории Р[оссии] героическую эпопею русской доблести и славы» [*Ключевский В. О.* 1983. С. 134].

Такие критические суждения замечательного историка второй половины XIX — начала XX в. в соответствии с современными ему требованиями исторической науки по отношению к историку первой четверти XIX в. являлись неправомерными, поскольку и сам В. О. Ключевский не справлялся с задачами, сформулированными таким образом. К тому же концепция Ключевского продолжала идеи различия средневековой истории России и стран Запада при подобии их отдельных институтов и социальных категорий. Несмотря на значимость его конкретных наблюдений, уже младшие современники считали многие его характеристики истории России до XVII в. недоказанными [[*Павлов*]-*Сильванский Н. П.* 1907. 25–35; *Пресняков А. Е.* 1909. С. 20–23 и далее].

Человек эпохи модерна, принципы которого требовали отказа от наследия прошлого и утверждения преобразованной действительности, П. Н. Миллюков (1859–1943), лидер «Союза освобождения» и позднее созданной

в революционных условиях 1905 г. кадетской партии, считал одной из исследовательских задач историографии «восстановление» «явлений старой исторической литературы в их временном и местном значении». По Милюкову, в практике современных исследований их содержание следовало отрицать. На таком теоретическом основании Милюков, ученик В. О. Ключевского, продолжил анализ карамзинской «Истории государства Российского» для «освобождения» современной исторической мысли от «аксиомы» ее особой роли в истории российской науки.

П. Н. Милюков всячески подчеркивал зависимость Н. М. Карамзина от «Истории Российской» М. М. Щербатова как источника идей и конкретных исторических наблюдений. То же значение для Карамзина, но в меньшей степени, он придавал работам И. Н. Болтина, Г. Ф. Миллера и А. Л. Шлёцера. Невысоко оценивая исследовательский текст Карамзина, Милюков придавал особое значение для науки его комментариям с обширным цитированием исторических источников. К Шлёцеру он возвел мнения Карамзина о происхождении Русского государства и его феодальном строе в древний период. Отметил Милюков и роль Провидения в интерпретации Карамзиным исторических событий, не установив источник таких идей. Постоянно соотнося его труд с работами предшественников, Милюков пришел к выводу, в соответствии с которым Карамзин «в своей исторической конструкции “Истории государства Российского” не столько начинает собой новую эпоху в русской историографии, сколько заканчивает старую» [Милюков П. 1913. С. 2–3, 128–178]. В этом он повторил с определенными коррективами идею Н. А. Полевого.

П. Н. Милюков с сочувствием цитировал мнение Н. П. Румянцева (1754–1826), в соответствии с которым Карамзин «поверхностное брал только сведение из важных для российской истории материалов». Этим, по Милюкову, задачи исследования Карамзина отличались от работ большинства современных ему исследований. Столь же одобрительно Милюков привел критические замечания в отношении «Истории государства Российского» авторов самых разных общественно-политических и научных направлений первой трети XIX в. [Милюков П. 1913. С. 212–223]. По мнению Милюкова, Карамзин писал «художественную историю», тогда как другие историки продолжили научное изучение отечественной истории в виде «критической работы» и «философского построения русской истории». Поэтому он назвал Карамзина «невольной жертвой устаревшей рутины», несмотря на «заслуги его в истории учености и в истории просвещения» [Милюков П. 1913. С. 224].

В. С. Иконников (1841–1923) продолжил прагматическое изучение процесса становления Н. М. Карамзина как историка в контексте европейских исторических и философских идей. Но его вывод знатока исторической литературы оказался традиционным: «Взгляды и мнения Карамзина

принадлежат его эпохе и литературной школе, из которой он вышел», тогда как его примечания в «Истории государства Российского» «надолго сохранят свою цену» [*Иконников В. С.* 1912. С. 38].

Характеристика научного наследия Н. М. Карамзина, данная Ю. В. Готье (1873–1943), двойственна. По его мнению, в «Письмах русского путешественника» Карамзин осознавал, что для создания фундаментальных исторических трудов необходимы широкие обобщения, критический анализ излагаемых событий и современный литературный язык. В условиях Первой мировой войны, в канун Февральской революции, Готье писал о патриотическом значении «Истории государства Российского». Впрочем, его характеристика этого труда по форме и по содержанию осталась негативной: «<...> в настоящее время “История государства Российского” является для нас произведением чуждым и с внутренней стороны, потому что наше прошлое представляется в ней не так, как представляем себе его мы, и с внешней стороны, потому что язык его кажется нам приподнятым и вычурным» [*Готье Ю. В.* 1917. С. 5–13]. Таким образом, дореволюционные историки в конце XIX — начале XX в. в основном поддержали милюковские характеристики Карамзина-историка.

Впрочем, еще до революционных изменений 1917 г. Н. П. Павлов-Сильванский (1869–1908) подверг критике сформулированную П. Н. Милюковым историко-философскую «теорию контраста» исторического развития России и западных стран [[*Павлов]-Сильванский Н. П.* 1907. С. 19–25]. Тогда же С. Ф. Платонов (1860–1932) назвал историографические суждения Милюкова о Карамзине не только исследованием, но также «обличением». В отличие от исследователей, которые характеризовали Карамзина как человека с противоречивыми взглядами или пережившего «переворот мирозерцания», Платонов считал, что «деятельность Карамзина, взятая в ее основных чертах, проникнута <...> целостным единством умонастроения и не страдает противоречиями и внутренними несоответствиями». Как он писал, «“европеизм” Карамзина уживался мирно с его “патриотизмом” и взаимная смена этих настроений совсем не бывала “переворотом мирозерцания”. В их гармоническом соединении заключалась самая суть мировоззрения нашего писателя; она-то и дала, как кажется, такой успех произведениям Карамзина среди современного ему общества». Определяющее значение в системе взглядов Карамзина Платонов отметил в том, что он в своих произведениях «вовсе упразднил вековое противоположение Руси и Европы как разных и непримиримых миров; он мыслил Россию как одну из европейских стран и русский народ как одну из равнокачественных с прочими наций» [*Платонов С. Ф.* 1912. С. 505–507, 510].

Эти наблюдения С. Ф. Платонов в 1920-х гг. дополнил периодизацией творчества Н. М. Карамзина как историка: «ранние исторические опыты», работа над «Историей государства Российского», но в то же

время — «политические выступления Карамзина, в которых он пользовался как специалист историческим материалом и не выходил из роли поучающего и морализующего историка». Платонов решительно возразил П. Н. Милукову о зависимости Карамзина от М. М. Щербатова и других историков XVIII в. Он показал, что Карамзин учитывал их труды, но оставался самостоятельным автором. Но, по его мнению, Карамзин писал не специальное историческое исследование, а популярное изложение русской истории, чтобы «объяснить общий ход нашей исторической жизни и оценить его с нравственной точки зрения» [Платонов С.Ф. 2006. С. 257–269].

Наряду с такой конструктивной позицией сохранения научного наследия историками дореволюционных научных школ в советской России 20-х — первой половины 30-х гг. были распространены идеи отрицания этого наследия как результата предшествующей деятельности господствующих классов — дворянства и буржуазии. При интерпретации идейного содержания исторической науки как следствия непосредственного воздействия классовых интересов исследовательский опыт историков стал интерпретироваться по сословному и идеологическому принципу как дворянская, буржуазная и марксистская историография.

М. Н. Покровский (1868–1932) называл Н. М. Карамзина «величайшим русским историком» XVIII — начала XIX в., но также «великим консерватором» в проблеме крепостного права и в политике. Как написал Покровский, история государства превращалась у Карамзина в историю государей, но «государство собственно еще не имело истории». Вследствие этого, считал он, «сочинение Карамзина потеряло теперь всякое значение даже для буржуазных историков» [Покровский М.Н. 1933. С. 182].

Тогда же выдающиеся отечественные историки, оказавшиеся в эмиграции, обратились к творческому наследию Карамзина. На их анализ также повлияли произошедшие социально-политические и экономические изменения. Находясь в эмиграции, они продолжали изучать историю России и российской исторической науки.

И. И. Лаппо (1869–1944), анализируя идеи Н. М. Карамзина в 1927 г., разъяснил, что он не только великий русский историк: «Он национальный деятель России. Он любил Россию всею силою своей души, всем своим существом». Обобщая свои наблюдения, Лаппо характеризовал понимание Карамзиным свободы как власти только над собой, а не над другими, с уважением к личности и благу других. Он отметил карамзинскую идею необходимости государства, в котором жизнь людей получает необходимую охрану и возможность развития. Но их равенство невозможно. Лаппо написал также о карамзинской идее эволюции государственной власти, которая должна была быть единой, но самодержавие не должно было стать деспотизмом, а граждане — рабами. В этих наблюдениях выразились размышления Лаппо о прошлом и настоящем России.

В отличие от исследователей, которые противопоставляли государственные идеи Н. М. Карамзина и М. М. Сперанского, И. И. Лаппо обратил внимание на их близость в понимании определяющего значения законов в государстве Российском. По его мнению, различия заключались в том, что Сперанский пересаживал в Россию теории западноевропейской политической мысли, тогда как по Карамзину закон — результат «исторической жизни России», он «вырос органически из этой основы и реальных потребностей русского народа и его исторического государства». В данной связи Лаппо сформулировал новую научную проблему, обратив внимание на тождество данной карамзинской идеи с теоретической основой исторической школы юристов в Германии. Эта проблема не была изучена в последующей литературе. После революции Лаппо предложил свой ответ на вопрос, почему Карамзин видел благо государства Российского только в самодержавной царской власти. По его мнению, «Карамзин решительно не верил в *политические* дарования русского народа, а в особенности русского дворянства, которое было тогда не только высшим сословием России, но и ее *интеллигенцией*» [Лаппо И.И. 2010. С. 30–38; курсив Лаппо].

Дискуссия о Н. М. Карамзине продолжалась между выдающимися русскими историками и в эмиграции. А. А. Кизеветтер (1866–1933), бывший активный член кадетской партии, поддержал резко критическое отношение к нему и его творческому наследию в трудах П. Н. Милюкова. Кизеветтер характеризовал многообразие талантов Карамзина — литератора, историка, мыслителя — не как свидетельство духовного богатства, а как духовную разбросанность, скудость. По его мнению, в литературе его новаторство быстро превратилось в архаизм.

Вслед за П. Н. Милюковым А. А. Кизеветтер писал, что в истории Н. М. Карамзин основывался на трудах предшественников XVIII в., прежде всего на «Истории Российской» М. М. Щербатова, лишь расширив круг использованных исторических источников. Отсюда у Карамзина — история не государства, а государей, самодержцев, хороших и плохих, вне «исторической перспективы» развития государства и монархической власти. Поэтому, по Кизеветтеру, Карамзин остался человеком XVIII в. Он писал историю как литератор, которого привлекали в историческом сочинении занимательность рассказа и морализирование. По Кизеветтеру, основой карамзинской теории истории являлся рационализм XVIII в. и отрицание «исторической перспективы».

А. А. Кизеветтер считал, что Н. М. Карамзин как публицист и политик хотел убедить себя и других в том, что самодержавие может сочетаться со свободой посредством назначения хороших людей на должностные места, а не «соответственного реформирования учреждений». Кизеветтер писал, что, в отличие от «передового меньшинства», Карамзин «всегда обеими ногами стоял на старом материке», и в этом он являлся консерватором. Но он

«красноречиво проповедывал светлые стороны действительности, — человечность, благородное достоинство личности, теплоту сердца — и в этом его заслуга». Вместе с тем Кизеветтер признавал большую значимость Карамзина как деятеля русской культуры в том, что такие люди, как он, готовят трамплин для тех, кто совершает прыжок «на другой берег через бездну» [*Кизеветтер А. А.* 2010. С. 121–134].

Вульгарно-марксистская интерпретация творчества Карамзина в СССР в середине 1930-х гг. была пересмотрена. Историки вновь стали учитывать исследовательский опыт предшественников. Уже в изданном в 1939 г. учебнике «Истории СССР» под редакцией Б. Д. Грекова (1882–1953) отмечалось, что Н. М. Карамзин, как ранее А. Л. Шлёцер и И. Н. Болтин, «признавал в древней России наличие феодализма», но они «делали это случайно и мимоходом», без выводов, поскольку у них не было «теоретической основы». Удельный период, по Карамзину, «был лишен исторического значения». Поскольку он не нашел объяснения возвышения Москвы в личных качествах ее князей, то пришел к выводу, что этим она обязана ордынским ханам, которые поддерживали этих князей и ослабляли их противников. Авторы учебника написали, что Карамзин — «выразитель дворянской идеологии конца XVIII в.», при изложении событий правления Ивана Грозного он — защитник интересов родовитого дворянства, которое стало невинной жертвой царя. Его террор Карамзин объяснял «злой волей», не устанавливая «каких-либо признаков исторической закономерности» [История СССР. 1939. С. 107, 219, 346].

В отличие от таких кратких характеристик Карамзина-историка, определившихся идеологией послереволюционной поры и довоенного сталинского режима середины — второй половины 1930-х гг., Н. Л. Рубинштейн (1897–1963) впервые в советский период исследовал его творчество обстоятельно.

В соответствии с идеологемами того времени, Н. Л. Рубинштейн написал о соединении в творчестве Карамзина-историка политического консерватизма с национализмом, о реакционной политико-назидательной задаче «Истории государства Российского», предназначенной не для научного познания, а для утверждения сильной монархической власти и для борьбы с революционным движением. Подобно П. Н. Милюкову, Рубинштейн считал, что «все основные элементы в понимании истории взяты Карамзиным из XVIII в., отражают предшествующий этап в развитии истории». Как он отметил, Карамзин, подобно М. М. Щербатову, предпочел вслед за Д. Юмом прагматическое исследование философскому размышлению. Этим он отличался от А. Л. Шлёцера, решавшего проблему изучения исторического источника, и И. Н. Болтина, решавшего проблему исторического синтеза.

В условиях постоянного давления идеологии на практику исторического исследования, абсолютизации исторических закономерностей и принижения значения личности в истории Н. Л. Рубинштейн отнес исторический

Именной указатель

- Юрий Владимирович Долгорукий, кн. 252
Юрий (Георгий) Данилович, кн. 135, 259, 263, 272
Юрий Дмитриевич, кн. галичский и звенигородский 52, 274, 275
Яким Кучков 252
Янин В.Л. 264, 357
Ярополк Владимирович, кн. 135
Ярополк Святославич, кн. 134, 240
Ярослав Владимирович Мудрый, кн. 23, 134, 157, 166–168, 198, 243–250, 255, 279–281, 286, 291
- Bankowski M.* 357
Baudin R. 26, 27, 357
Blair D. 357
Brang P. 357
Gellerman S. 22, 75, 76, 357
Goehrke C. 357
Iskule S.N. (см. *Искюль С.Н.*)
Kembale R. 357
Knoph J.T. 246, 357
Kotchetkova N. (см. *Кочеткова Н.Д.*)
Krug Ph. (см. *Круг Ф.*)
Levesque P.-Ch. (см. *Левек П.-Ш.*)
Resende H.A. 90, 357
Schlözer A. L. (см. *Шлёцер А.Л.*)
Scott W. 112, 357

Научное издание

Михаил Борисович Свердлов

ИСТОРИЯ РОССИИ В ТРУДАХ Н. М. КАРАМЗИНА

Корректоры *А.М. Никитина, И.В. Малёнкина*

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 16.04.2018.

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 29,7

Тираж 300 экз. Заказ № 1226

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86